

написана, в сущности говоря, с весьма прозрачной поучительной целью—показать всю низость испанских грабителей по сравнению с владельцами несметных богатств—перуанскими инками. Самыми мрачными красками обрисованы Вассерманом стяжатели чужого золота, войска Пизарро, и почти в дифирамбическом стиле—благородный, чистый, самоотверженный «Король-солнце» Атахуальта, вероломно захваченный в плен испанцами и ими гнусно умерщвленный. Вассерман—несомненный мастер по части экзотических описаний. Но чем он совершенно невыносим, так это своим приподнятым и жеманно-изысканным способом выражения. Маленькая новелла настолько преисполнена словесной утонченности, что невольно вспоминается классический совет: «Не говори столь красиво, друг мой». От основательной чистки в этом отношении новелла очень бы выиграла, а если она совсем не появлялась бы в переводе, русский читатель от этого бы не потерял.

Евг. Браудо.

ГЕОРГ БЮХНЕР. Смерть Дантона. Войчек. Перевод М. Рыжкиной. «Всемирная Литература». Госиздат. 1924 г. Стр. 100.

«Родился в 1813. Умер в 1837. Неполных жил двадцать четыре года. Написал 3 пьесы, три философских труда, гениальную прокламацию к гессенским крестьянам»—таков итог жизненных трудов гениального юноши, бунтаря, поэта и ученого. Этот Бюхнер восстал из забвения восемьдесят два года после своей кончины—в ноябрьские революционные дни Германии. Его новейшая литературная Германия, Германия экспрессионизма—крика вместо слова, эмоции вместо холодной связующей логики—избрала своим вождем.

Бюхнер—первый признанный экспрессионист-драматург в немецкой литературе. Его слава основывается на двух, включенных в настоящий том «Всемирной Литературы», трагедиях. Обе они незакончены, необработаны,—в этом, может, их привлекательная сила. Форма не получила еще в них самодовлеющего

значения, металл не застыл, а льется раскаленной струей. «Смерть Дантона»—первая из двух бюхнеровских трагедий, неоднократно приспособлялась для сценического воплощения (в Германии—Рейнгардтом, у нас, кажется,—несколькими режиссерами). Нам не приходилось видеть «Смерти Дантона» на подмостках, но, думается, захлебывающаяся риторика этой трагедии в странном контрасте с энергично—удар за ударом—протекающим действием едва ли преодолима в театре. *Революционная романтика* Бюхнера, увлекательная и искренняя, все же романтика 30-х годов и при всем стремлении его подчеркнуть социальный смысл событий Великой Французской революции Бюхнер показать ее истинное лицо в своей трагедии не смог.

Евг. Браудо.

РЕНЕ АРКОС. Злые годы. Перевод Б. Лившица. (1914—1917.) Новости иностранной литературы. Госиздат. Ленинград 1924 г. Стр. 225.

Книга Рене Аркоса—альбом зарисовок острых четких картин из истории злых годов, памятных Европе. «Развертывание сюжета» книги начинается жуткими предгрозовыми картинами в июле 1914 г. и заканчивается уже несколько расплывчатыми эскизами из жизни нейтральной Швейцарии в момент, непосредственно предшествующий капитуляции Германии. Литературно-общественное значение книги Аркоса (и ради этого ее стоило переводить, художественные ее достоинства не столь велики) заключается в точном клиническом описании постепенного развития мании шовинизма и завоевательного психоза, охватившего в эти «злые годы» даже радикальную часть французской науки. Но вместе с тем Аркос очень убедительно и тонко показал и противоположный процесс постепенного отрезвления от опьянения войной и нарастания в сознании народов лозунга «война войне». Перевод не всегда передает отточенное письмо оригинала. Сомнительным мне кажется, чтобы в памяти французов сохранилось бы, например, воспоминание о таком средстве